

Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома

Мне хотелось бы еще раз вернуться к теме элиты и остановиться на том, кто же сегодня составляет высший слой российского общества, является ли эта социальная группа действительно абсолютно новой, либо же "хорошо забытой старой". Произошла ли в обществе смена элит, и если да, то откуда пришла новая элита? Излишне говорить, что вопрос смены элиты представляет не только и столько теоретический, но и практический интерес.

Получить ответы на эти вопросы стало возможно в результате проведения ВЦИОМом очень крупного исследования, включающего более чем часовое стандартизированное интервью почти с 1 812 респондентами, примерно половина которых представляет советскую элиту конца 80-х годов, а другая половина — новую российскую правящую элиту. В ходе интервью мы старались выяснить практически все важнейшие моменты жизненного пути представителей элиты: их образование, трудовую деятельность, членство в партии. Фиксировалось любое изменение статуса. В результате был получен поистине богатейший материал, серьезный анализ которого еще предстоит сделать. Сегодня я хотела бы представить самые первые результаты, очень общие, но все же позволяющие выявить некоторые тенденции.

Вначале отмечу, что наше определение элиты наиболее близко определению Р.Милза: это люди, занимающие командные, ключевые позиции, принимающие важные решения и оказывающие влияние (признаваемое обществом) в различных сферах общественной жизни.

Прежде чем говорить о конкретных результатах, несколько слов о теоретических подходах, которые, с нашей точки зрения, возможны при изучении формирования элит в период социальной трансформации, и которыми мы в значительной мере руководствуемся в данном исследовании. В основе нашего подхода лежит теория многомерного "социального пространства" П.Бурдьё, в рамках которого

функционируют индивиды, обладающие различными типами капиталов и имеющие, соответственно, различные траектории развития. П.Бурдьё различает несколько типов капиталов — экономический, культурный, социальный, символический. Этот подход несколько пересекается с тем, что говорила Т.И.Заславская о критериях (потенциалах) стратификации. С определенной долей упрощения, мы операционализировали эти понятия, полагая, что экономический капитал может измеряться в терминах собственности и дохода, культурный — уровнем образования, социальный — социальными связями и, наконец, символический — способностью индивидов конвертировать социальный или культурный капитал в экономический. При анализе социальной структуры бывших социалистических стран социальный капитал может быть определен как политический, институционализированный в категориях членства в партии. На разных периодах нашей 70-летней истории соотношение между этими капиталами менялось, хотя, совершенно очевидно, что с точки зрения социальной мобильности приоритет до недавнего времени оставался за капиталом политическим. В условиях рыночной экономики происходит девальвация политического капитала. Все большее значение приобретают экономический капитал и социальные связи с деловыми кругами. Не исключено, что в будущем экономический капитал будет либо трансформироваться в новый политический, либо сращиваться с ним. По мере развития рыночной экономики интересы руководителей крупного бизнеса и политиков будут в большей степени пересекаться и взаимопереплетаться. Весьма вероятно проникновение в политическую элиту представителей крупного капитала, равно как и превращение политиков в выразителей интересов крупного бизнеса. Нельзя исключать также того, что к последним постепенно будут переходить от государственных политиков функции общественного управления.

Выделение различных типов капитала позволяет по-новому рассматривать процесс формирования элит. Вопрос, насколько старая элита смогла удержаться у власти, является предметом особого внимания и интереса в публицистике, в общественном мнении, в научных кругах. Многие исследователи социальной трансформации в бывших странах Восточной Европы (Е.Ханкисс, Е.Шалаи, Я.Штанишкис) защищают теорию воспроизводства элит, подчеркивая, что, несмотря на кардинальные институциональные и социально-экономические изменения, наиболее привилегированные позиции в обществе все равно продолжают занимать те же люди; меняется лишь принцип легитимации их власти и привилегий. Сторонники этой теории говорят о становлении "политического капитализма", при котором бывшая номенклатура использует свой политический капитал для приобретения экономического, выигрывает от приватизации и перехода к рыночной экономике, сохраняя властные командные позиции теперь уже в качестве собственников.

Другая возможность заключается в том, что в процессе перехода от одного типа общества к другому имеет место циркуляция элит. Причем в центре этот процесс идет интенсивнее, чем на местах (об этом уже говорил Е.Дискин).

В России в последнее время смена элит происходит весьма интенсивно. Правда, есть все основания полагать, что большинство акторов не меняется. Не исключено, что ход нашей политической жизни, в конце концов, просто зафиксирует полный цикл циркуляции элит, и те представители номенклатуры, которые на первых порах были отлучены от элитного круга, вновь вернутся в него.

И тогда встает вопрос, насколько надежной оказывается политическая база дальнейших преобразований, если их проводники (что еще раз ясно показали выборы в декабре 1993 г.) имеют корни в той старой системе, которую предполагается ломать?

Теперь несколько подробнее о первых результатах исследования. Один из них был столь же неожиданным, сколь и очевидным: советская правящая элита и российская современная элита оказались весьма сходными социальными группами во многих отношениях. Обе они представлены прежде всего мужчинами. В номенклатуре женщин было не более 7%, в сегодняшних же эшелонах высшей власти их 6%. Если говорить об объективных характеристиках, то основные различия состоят, во-первых, в том, что среди представителей нынешней элиты реже встречаются бывшие члены КПСС (хотя их не так уж и мало — почти 80%), и, во-вторых, нынешняя элита все же моложе номенклатуры. Более 80% номенклатуры старше 50 лет, из них половина старше 60 (приводится их возраст на сегодняшни день, а не на 1988 г.!). В современной же элите больше половины моложе 50, а каждый пятый моложе 40 лет.

К нашему удивлению, не оказалось особых различий в образовательном уровне старой и новой элит: 97% номенклатуры имеет высшее образование (!), причем парадоксально высокой оказалась доля тех, кто либо имеет научную степень, либо продолжал учебу и после окончания высшего учебного заведения. Прежде всего, это характерно для партийных работников и для представителей высшего эшелона государственного управления. Доля высокообразованных людей в этих группах даже выше, чем среди представителей культурной и научной элиты. Здесь, конечно, надо иметь в виду, что большинство этих научных степеней было получено в таких партийных институтах, как Академия общественных наук и ей подобных, где защита диссертации являлась лишь формальным шагом для продолжения партийной или государственной карьеры, и зачастую диссертации писались не соискателями, а их научными руководителями. Более углубленный анализ условий получения образования представителями старой элиты позволит точнее оценить их образовательный и культурный уровни.

94 % новой элиты также имеют высшее образование, причем каждый пятый получил научную степень или обучался еще где-нибудь

после окончания вуза. Высокообразованной оказалась и российская бизнес-элита (в частности, значительно более образованной, чем их коллеги в Польше и Венгрии). Последнее является отчасти радостным результатом: вопреки ожидаемому, ценность образования все же достаточно высока и пока окончательно не девальвировалась в условиях российского рынка.

Около половины представителей и номенклатуры, и новой элиты вышли из семей достаточно высокого профессионального и образовательного статуса. Более того, немалая часть представителей как новой, так и старой элит (более четверти) — сами дети номенклатурных работников (видимо, подтверждается расхожий тезис о том, что номенклатура представляла собой закрытую (кастовую) группу, способную воспроизводиться на собственной основе). Таким образом, те же социальные группы, которые имели больше шансов для продвижения вверх в советское время, в равной мере сохраняют их и сегодня. Высокий социальный статус родителей оказывается важным фактором продвижения вверх. Отмечу, что Россия в этом отличается и от Венгрии, и от Польши, где значительно большая часть и старой, и новой элит вышла из рабочих и крестьян.

Одна из основных задач, которую ставили перед собой авторы данного проекта, состояла в том, чтобы выяснить, что же произошло с советской правящей элитой, где она сегодня, в какой мере ее представители "перетекали" в новые правящие структуры. Исследование показало, что всего лишь 11% бывших аппаратчиков сегодня оказались на пенсии. Столь низкая цифра позволяет говорить о том, что в основном номенклатура смогла адаптироваться к произошедшим изменениям и не испытывает явной нисходящей мобильности. Более 60% представителей бывшей номенклатуры и сегодня занимают элитные позиции, сравнимые с номенклатурными должностями советского времени. Если же мы немного раздвинем границы нынешней элиты, включив в анализ не только непосредственно элитные, но и примыкающие к ним должности, то увидим, что еще 15% старой элиты оказались лишь на одну ступеньку ниже узко определенного элитного уровня. Таким образом, лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказалось сегодня за пределами круга руководящих работников. А 15% из них владеют сегодня собственным бизнесом.

Что же касается чисто партийной номенклатуры, то, несмотря на ликвидацию КПСС, многие ее члены сохранили элитный статус. Треть партийной номенклатуры сегодня находится на высшем уровне государственного управления, а еще треть занимает командные позиции в экономике. Если же опять чуть-чуть расширить границы элитарных должностей за счет "предэлитных" позиций или "второго эшелона элиты", то мы найдем в этом кругу более 80% партийной номенклатуры. Более трети представителей советской государственной элиты продолжают и сегодня занимать руководящие посты в государственном аппарате. Уже на основании этих первых результатов

видно, что значительной части бывшей советской номенклатуры удалось удержаться на плаву и что в России находит свое подтверждение скорее теория воспроизводства элит, нежели теория их циркуляции. Уровень воспроизводства элит в России значительно выше, чем в Польше и Венгрии.

Посмотрим теперь с другой стороны: откуда пришла новая российская элита, какая часть ее является аутсайдером на советской политической сцене? Исследование показало, что почти половина этой группы вступила в элитный круг в 80-е годы и ранее. Лидируют здесь представители государственной экономики — две трети из них и раньше занимали командные посты в экономике. Если же мы опять расширим элитный круг до его "второго эшелона", то увидим, что около половины "новичков" российской правящей элиты на деле вошли в нее из "второго эшелона" старой элиты — они были руководителями предприятий и крупных отделов и лишь ждали своего часа. Группа руководителей высшего и среднего уровня представляется весьма интересной для дальнейшего анализа, поскольку для нее характерна наибольшая вертикальная мобильность, и именно ее представители пополнили сегодня ряды новой российской элиты. И наконец, только 22% новой российской элиты действительно являются новичками на этом празднике власти. Таким образом, около 80% нынешних ее представителей занимали элитные и "предэлитные" позиции в конце 80-х годов.

Наибольшую восходящую мобильность демонстрируют представители российского бизнеса: 2/3 этой группы в конце 80-х не были в кругу властей предрежущих.

Таким образом, мы зафиксировали весьма высокий уровень воспроизводства элит в России. Полученные данные также подтверждают теорию "политического капитализма". Можно, видимо, утверждать, что изменение социального порядка, переход к рыночной экономике не столько открывают новые возможности для вертикальной мобильности и вхождения в элиту аутсайдеров, сколько предоставляют бывшей советской правящей элите альтернативные возможности для сохранения своего статуса, престижа и привилегий в обществе.